

непоколебимая вера в социалистические идеалы, мужество перед лицом смерти, жертвенность во имя светлого завтра были теми нормативами поведения и ценностными установками, на которых воспитывались поколения советских людей, а наследие Гражданской войны долго давало о себе знать в истории советского общества.

Русакова Е. В., Попова О. Г.

К вопросу о типологии антибольшевистского повстанчества в годы Гражданской войны в России

Тема Гражданской войны — одна из самых неоднозначных в российской истории. Многие исследователи предлагают свою точку зрения на проблему антибольшевистского повстанчества как на третью силу, действующую во время Гражданской войны. В. Н. Бровкин пишет, что эта третья сила «не стала самостоятельным центром, претендующим на власть более чем в региональном масштабе. Крестьяне не могли победить, так как они никогда не стремились овладеть государством. Русским крестьянам не доставало политической сознательности — в том смысле, что им было все равно, какова форма правления в России»¹. А. Венков полагает, что идеи третьего пути были широко распространены в среде донского казачества. Но здесь они приняли форму иллюзии «классового мира». Любые переходы какого-либо отряда на сторону красных или белых подрывали веру в эту возможность, возвращали в «двуцветную» реальность². Не ставя под сомнение существование этой третьей силы, оба автора приходят к выводу о ее реальном бессилии. Интересна также позиция В. Шамбарова в этом вопросе. Он полагает, что «зеленое движение» не являлось третьей силой. В противоборстве белых и красных зеленая сторона представляла не третий путь, а «нулевой вариант», тот самый «первичный хаос», из

¹ Бровкин В. Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы. // Вопросы истории. — 1994. — № 5. — С. 30/

² Венков А. В. Донское казачество в гражданской войне (1918 — 1920). — Ростов н/Д., 1992.

которого рано или поздно все равно неизбежен был выход в красную или белую сторону¹.

Прежде чем говорить непосредственно о типологии антибольшевистского повстанчества, следует отметить, что под этим термином в данном случае понимаются не все участники борьбы с большевиками. В этой статье мы рассмотрим только проблемы крестьянских и казачьих восстаний, а также близкие им по содержанию выступления в самой Красной армии. Вне поля зрения остаются участники Белого движения, политические акции российских партий, рабочее движение. Такое сужение значения термина обусловлено глобальностью и масштабностью темы. Поэтому рассматривается только проблема внутренней борьбы большевиков со своими потенциальными союзниками, составлявшими большинство населения и являвшимися основными производителями средств существования общества и государства. Особое значение для данной работы имеют те события, которые отражают настроение рядового казачества и среднего крестьянства, когда целью выступлений являлась не борьба за власть и политическое влияние, а стремление изменить существующую реальность.

Если говорить о периодизации антибольшевистского повстанчества в рамках Гражданской войны, то здесь можно выделить 2 основных этапа:

1918 — 1919 гг. — период стихийного крестьянского и казачьего движения, без определенной политической программы, требования чисто экономического характера.

1920 — 1922 гг. — более высокий уровень организации движения, появление политических требований, активизация деятельности эсеров и меньшевиков и т. д.

Данная периодизация стала основой настоящей работы. С опорой на нее и была составлена предлагаемая типология антибольшевистского повстанчества, выделены особенности этапов и каждого типа восстаний.

«Политический бандитизм», «кулацкие мятежи», «контрреволюционные выступления», «крестьянские восстания», «зеленое движение», «третий путь» и т. д. — все эти термины, различные по содержанию и оценке определяемого объекта, разные истории относят к одному и тому же явлению истории России периода Гражданской войны — антибольшевистскому повстанчеству. Каж-

¹ См. Шамбаров В. Белогвардейщина. — М., 1999. — С. 551.

дое из этих определений несет свою смысловую нагрузку и выбирается исследователем согласно его взглядам. Но вне зависимости от названия, пристрастий историка и времени изучения, все проявления борьбы с большевизмом имеют объективные характеристики и различаются по составу участников, целям и задачам, методам.

Классификация по составу участников, на первый взгляд, является самой простой. Однако здесь возникает ряд серьезных вопросов.

Традиционно в литературе по социальному составу участников называют только «крестьянские» движения. Остальные события именуют по названию местности или по фамилии лидера движения: «махновщина», «Антоновщина» (она же «Тамбовщина»), «Кронштадтский мятеж». Но социальный состав и форма организации этих восстаний далеко не однозначны. Какое определение дать им?

С составом участников также связаны проблемы терминологии. Почти все перечисленные выше определения антибольшевистского повстанчества, так или иначе, называют состав восставших: кулаки, контрреволюционеры, бандиты и т. п. Но насколько реально участие этих групп в движении? Насколько оправдано применение определений «кулацкий мятеж» к Тамбовскому восстанию под руководством А. С. Антонова, «контрреволюционный заговор» или «антисоветский мятеж» по отношению к событиям в Кронштадте?

С составом также связан вопрос о форме организации восстания. Очевидно, что большинство крестьянских бунтов можно охарактеризовать как стихийные, массовые, неорганизованные выступления. Относится ли к таковым армия батьки Махно или отряды Антонова?

Особое ли положение в типологии антибольшевистского повстанчества занимает движение казачества, или выделение такового из крестьянского неправомерно?

Сколько работ посвящено проблеме восстания против большевиков в период Гражданской войны, столько же ответов на поставленные вопросы они дают. Исследователи, как правило, дают определение того или иного восстания, не углубляясь в объяснение своего выбора, или выражая традиционный советский взгляд на характер движений. Только в последнее время историки начинают обосновывать свои позиции.

Основной силой, которая во многом определила исход событий, стало крестьянство, составлявшее основную массу населения России.

Крестьянское антибольшевистское повстанчество зарождается ещё в конце 1917 — начале 1918 г. Первоначально пассивные формы уже к середине 1918 года переходят в активные действия, причём весьма упорные и массовые.

Только за один месяц 1918 года (с 5 июля по 5 августа) на территориях Сибири, Урала и Поволжья произошло 93 «мятежа» крестьянства¹. С их определением никаких трудностей не возникает — требования стандартные: не только землю, но и право *распоряжаться продуктами* своего труда². Перераспределение земли зимой — весной 1918 г. привело в деревне к состоянию эйфории и повлекло за собой отказ от всех форм зависимости от власти и города, от всех форм ограничения свободной торговли. Но уже летом 1918 г. большевики ужесточили хлебную монополию и ввели продовольственную диктатуру. Началась организация комитетов бедноты, которые и привели к выступлениям.

Для крестьянских восстаний этого периода характерна определенная реакционность, т. к. все, даже необходимые, государственные мероприятия крестьяне рассматривали как покушение на свободу и вообще отказывались от любых государственных повинностей. Сопrotивляясь большевикам, они, в то же время, не переходили на сторону Колчака, Деникина и т. п., проявляя анархическое неприятие власти как таковой. Попытки удержать нейтралитет были неудачны, крестьянам приходилось метаться между двумя армиями, каждый раз переходя на сторону более слабой. Как только верх одерживали большевики, крестьяне начинали поддерживать белых и наоборот. Это было вызвано стремлением не допустить победы ни одной из сторон, ослабить их. В то же время крестьяне вели открытую борьбу против обеих армий, уклонялись от мобилизации, препятствовали работе продотрядов. Самыми ненадежными оставались поволжские и приуральские губернии, ставшие основой повстанчества II этапа.

В целом, первые активные крестьянские выступления носили стихийный характер, не имели единого командования, отлича-

¹ Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918 — 1921 гг. — Иерусалим, 1987. — С. 78.

² Там же. — С. 35.

лись локальностью, разрозненностью, отсутствием связи между отрядами различных регионов, отсутствием взаимодействия и необходимой помощи друг другу. Ко всему этому добавлялось плохое вооружение (которое было не всегда), отсутствие элементарных военных навыков, неорганизованность. По указанию В. И. Ленина, к таким выступлениям применялся массовый террор. Эта мера оправдывалась тем, что с «политическим бандитизмом», с выступлениями врагов народа — кулаков — нужно бороться любыми методами. И тот факт, что «кулаки» также являлись представителями крестьянства, абсолютно не принимался во внимание.

Определение, данное этим выступлениям М. Н. Покровским в 1922 г., звучало следующим образом: «Центр РСФСР был охвачен почти сплошным кольцом *крестьянских восстаний*, от приднепровского Махно до приволжского Антонова»¹. С резкой критикой подобной оценки тут же выступили все советские историки. В обиход были введены 2 основных термина: «политический бандитизм» и «кулацкий мятеж».

Эти определения объединяет в своей работе П. Г. Софинов². Другой исследователь, И. Я. Трифонов, развивая мысль, использует уже 4 термина: «политический бандитизм», «военно-политический бандитизм», «кулацкий бандитизм», «кулацкий политический бандитизм»³. Однако такое «многообразие» не становится широко распространенным, и часть советских историков даже выступает с критикой подобного подхода. В частности, Ю. А. Поляков наиболее правильным считает определение Е. М. Ярославского, который писал, что в марте 1921 года «...кулацкие восстания ... происходили не только в Сибири, но и в целом ряде других регионов. *Бандитизм* того времени, широко развивавшийся, был одной из *форм* этих кулацких выступлений»⁴. Еще в 1967 г. Ю. А. Поляков отметил, что совсем отказываться от термина «политический бандитизм» нельзя, но и подменять им «кулацкий мятеж» также не

¹ Цит. по: Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. — М., 1967. — С. 208.

² Софинов П.Г. Очерки истории ВЧК. — М., 1960. — С. 223.

³ Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921 — 1923). — Л., 1964. — Ч. I. — С. 39.

⁴ Цит. по: Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. — С. 203.

верно, т. к. можно смазать социально-политическое значение происходивших событий¹.

Следует согласиться с Е. М. Ярославским и Ю. А. Поляковым в том, что бандитизм был одной из форм сопротивления большевизму как любой другой власти. И в связи с тем, что «кулацких мятежей» в чистом виде не существовало, а все восстания были в основном смешанного характера, подменять эти термины друг другом, действительно, нельзя.

С другой стороны, нельзя не отметить, что в действительности, «бандитизм» - был практически единственным всеобщим методом и «белых», и «красных», и «зелёных»: грабежи, убийства и насилие, сопровождающиеся невероятной жестокостью. Причем, в данной ситуации, это была не форма политической борьбы, а уголовные преступления против мирного населения.

В то же время, в советской историографии не было принято называть эти выступления «крестьянскими восстаниями». Полагалось, что значительная часть середняков стала принимать участие в кулацких мятежах вследствие тяжёлого положения, моральной усталости и неуверенности крестьян, которых «кулаки» использовали в своих антисоветских целях. Сам факт участия трудящихся в тех или иных политических действиях ещё не определял характер этих действий. Выступления проходили под руководством кулаков и их политических вожakov.

В качестве контраргумента М. Френкин приводит следующие цифры: «1918 год. На территориях, охваченных восстаниями, безземельными были:

- Московская губерния — 40%; — Владимирская — 72.5%;
- Нижегородская — 30%; — Костромская — 40.5%;
- Орловская — 20%; — Ярославская — 66.7% крестьян.

И при таком огромном количестве бедных, крестьянские восстания почему-то называли «кулацкими мятежами» - подводит итог М. Френкин². Фактически, система продразверстки, введенная 11 января 1919 г., была гораздо разорительнее для бедняков. Они имели больше причин выражать свое недовольство. Но восстания упорно называли «кулацкими мятежами».

Объяснение этому несоответствию дает С. А. Павлюченков: «Первые восстания против Советской власти были объявлены

¹ Там же. — С. 203–204.

² Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918 – 1921 гг. — С. 75.

большевиками восстаниями кулаков. Убедившись, что скрыть бедняцкий характер восстаний невозможно, объявили, что беднотой руководят кулаки. Выяснив, что и это не так, было решено, что у бедняков кулацкая идеология»¹.

Возникает ещё один немаловажный вопрос: почему солдаты (сами — бывшие крестьяне, рабочие) шли на борьбу с восставшими, используя при этом невероятную жестокость и безжалостность? Сложно представить, чтобы все до одного настолько верили коммунистической агитации.

Один из возможных ответов можно найти при рассмотрении так называемого «чапанного» восстания в Поволжье в марте 1919 г. Помимо нехарактерных для этого этапа масштабы и организованности, это крестьянское восстание имело ещё одну отличительную особенность: участвующие крестьяне, одетые в традиционную для этих мест одежду — чапаны, почти все были пожилого возраста². Молодежь же была или просто пассивна, или даже негативно настроена. Сам собой напрашивается вывод о вечной проблеме «отцов и детей». Вероятно, молодежь, исторически более мобильная и постоянно готовая к переменам, признавала советскую власть, увидев в ней какие-то иные перспективы, не связанные с землёй, или просто не хотела сохранять старые земледельческие, общинные традиции. Помимо того, армия, на снабжение которой были брошены все силы, могла просто не понимать всех масштабов крестьянского разорения.

Как бы то ни было, крестьянские восстания (не «кулацкие», хотя и таковые полностью исключать нельзя) в 1918 — 1922 гг. создавали большевистской партии массу проблем. Особенно много их было с организованным крестьянским повстанчеством, к которым можно отнести «вольницу» батьки Махно, регулярную партизанскую армию Антонова и т. д. В отличие от обычных крестьянских восстаний, подавить которые было относительно легко, т. к. восставшие были плохо вооружены, слабо организованы и оторваны друг от друга, такие серьёзные противники, как Антонов и Махно требовали особого внимания. Их действия отличались организованностью, высокой степенью подготовки, дисциплинированностью участников, хорошим вооружением. Немаловаж-

¹ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. — М., 1997. — С. 173.

² Там же. — С. 149.

ную роль играла популярность обоих лидеров среди местного населения, обеспечивавшая им поддержку. И, несмотря на то, что по составу участников оба движения — крестьянские, отнести их к этому типу повстанчества было бы не совсем верно. Участвующие здесь крестьяне попадают под ещё одну категорию: военные. Отряды батьки Махно, например, участвовали в войне как официальные военные подразделения. Трижды Махно вступал в союз с советской властью, а в 1919 г. для совместной борьбы с Деникиным Нестору Махно даже предложили войти в состав Красной армии. Сам «батько» на время превратился в комбрига. За разгром победу под Мариуполем его наградили орденом Красного Знамени за № 4.

Эта характеристика имеет в данной классификации принципиальное значение. Степень организации, относительный военный профессионализм, уровень требований, опасность, которую представляли хорошо вооруженные дисциплинированные отряды, не позволяют называть их просто «крестьянскими». В то же время, их нельзя отнести и к «военным» в полном смысле этого слова.

Рассматривая все события этого периода в целом, к типу «военного восстания» можно отнести, пожалуй, только два: произошедшее в форте «Красная горка» в июле 1919 г.¹ и Кронштадте в марте 1921 г. Но даже ради этих двух восстаний имеет смысл вводить категорию «военный», т. к. Кронштадт, не подходящий ни к одному из типов восстаний, сыграл одну из важнейших ролей во всем повстанческом движении, как будет показано далее.

И, наконец, вопрос о последней из рассматриваемых категорий участников — о казачестве. Традиционно казаки — военно-земледельческая группа. Повстанческое движение донского и кубанского казачества против всевластия большевиков носило, безусловно, крестьянский характер. И в то же время на это движение сильный отпечаток наложило превращение казаков—крестьян в привилегированное сословие с присущими ему специальными чертами и правами, которых было лишено остальное крестьянство. Не столько земельный вопрос, сколько сохранение привилегий и сословности беспокоило казаков. Декрет о земле и последовавший за ним Основной закон о социализации земли, а также продовольственная политика Советов, в ходе которой больше всего страдали зажиточные слои населения (а на Урале, в Сибири, на Дону это

¹ Из истории ВЧК. 1917 – 1921 гг. Сб. док. – М., 1958. – Док-т № 239. – С.296–297.

были, прежде всего, казаки), вызвали волну возмущения, вылившуюся в вооруженную борьбу с новой властью.

Декрет о земле был создан в интересах безземельного и мало-земельного крестьянства. Однако казаки в массе своей не страдали от нехватки земли. «Душевые земельные наделы в станицах в 4 — 6, а порой и в 10 раз превышали земельные наделы крестьян в соседних деревнях. Сплошь и рядом казачьи станицы сдавали крестьянам в аренду свою землю, получая от этого немалые выгоды»¹. И эти участки подлежали изъятию у казаков и передаче их крестьянам. Казаки отнюдь не сочувствовали идее уравнительного землепользования и потому были полны решимости защищать своё право на землю даже с оружием в руках. На Дону и на Кубани недовольство ещё можно было нейтрализовать передачей рядовым казакам земель офицерства. Но на востоке офицерские наделы были не столь велики и не смогли удовлетворить недовольных. В Уральском же войске у офицеров вообще не было наделов. Начинаются массовые казачьи выступления против советской власти.

Однако земельный вопрос был не единственным, беспокоившим казаков. Они теряли не только землю, они теряли также и сословные привилегии. Оба постановления не делали никакой разницы между казаками, чьи земли отбирались, иногородним населением, которое раньше брало эту землю в аренду и между «инородцами». И так как имущественное расслоение среди казаков было все же небольшим, а связь военная, бытовая, сословная формировалась веками, то политика Советов воспринималась одинаково негативно всеми казаками.

Не менее острой проблемой стала проблема управления в казачьих округах. Изначально рассматривая казачество как контрреволюционную силу, нацеленную на сопротивление советской власти, большевики сочли опасным оставлять прежние порядки. Между тем среди станичников все больше усиливалась тяга к внутренней обособленной организации и традиционному казачьему самоуправлению. Поражение казачества обернулось для них угрозой полного физического истребления. Помимо этого, безжалостный, вне учета экономических возможностей нажим Советов на казачество, нежелание считаться с исторически сложившимся бытом и психологией, оформившимися на протяжении веков казачьего сословия, привели к разрушению хозяйств этих сравнительно крупных

¹ История казачества азиатской России. — Т.3. XX век. — Екатеринбург, 1995. — С.6.

товаропроизводителей зерна, к упорным казачьим восстаниям, удлинившим продолжительность Гражданской войны¹.

В целом, в действиях казачества, как составной части антибольшевистского повстанчества I этапа, проявились все характерные черты, присущие этому периоду: отсутствие политических требований (ибо возвращение прежних порядков вряд ли можно называть таковыми), сословная замкнутость, отсутствие связей с другими повстанцами, нежелание полностью присоединяться к Белому движению, сотрудничать с крестьянством, некая половинчатость и незавершенность (часть казаков после изгнания советской власти отказались продолжать борьбу и вернулись в свои станицы; часть (как уже упоминалось выше) из опасения потерять землю перешла на сторону большевиков). Отличительными чертами казачьего повстанчества, конечно же, стали высокая степень военной организованности и дисциплины, меньшая стихийность в начале выступлений. Но презрение к крестьянам не позволяло казакам присоединиться к крестьянскому движению, что и стало одной из причин их поражения. Но с другой стороны, эта взаимная ненависть 2-х похожих социальных групп объективно помогала им, т. к. одна из групп отвлекала на себя в определённый момент удары Красной Армии.

Основной проблемой антибольшевистского повстанчества данного периода (и крестьянства, и казачества) было нежелание признать недостаточность своих действий, их ограниченность и, во многом, бесполезность. Почувствовав серьезную угрозу, с которой все же можно справиться, советская власть только ужесточила меры в отношении повстанцев. Необходимы были качественно новые методы, и это было учтено на следующем этапе борьбы, развернувшимся в 1920 — 1922 гг.

Таким образом, говоря о классификации антибольшевистского повстанчества по составу участников (причем, речь идет только о тех выступлениях, которые были организованы «снизу», без участия каких-либо политических сил), мы выделим следующие группы:

Военная	Крестьянская	Казачья
Красная Горка (1919)	Поволжье (1918–19)	Кубань (1918)
Кронштадт (1921)	Махно (1918–21)	Урал (1919)
	Антонов (1920–21)	Дон (1919)
	Западно-Сибирское (1920–21)	

¹ Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918 – 1921 гг. – С.115–116.

Особой группой можно выделить забастовки и восстания рабочих в городах, но эта группа выходит за рамки ограниченной нами темы и рассматриваться не будет.

Вторым вариантом классификации является классификация по целям и задачам восстания. Она основывается на наличии/отсутствии программных требований участников. Этот критерий, так же как и направленность программы [антисоветская — антибольшевистская, независимая — созданная одной из партий (или заимствованная у таковой) и т. д.] имеет большое значение для характеристики движения.

Большинство мелких крестьянских бунтов не имело четкой программы и выдвигало лишь общие требования: отмена продразверстки, борьба с произволом должностных лиц, свобода торговли и т. д. Особенно подобного рода движения характерны для I периода: 1918 — 1919 гг. Эти выступления не были борьбой ни против коммунистов, ни против Советов в целом. Крестьян в этот период не интересовали «цвет» власти и политика как таковые. Декрет 26 октября 1917 г. дал им всё, что необходимо — землю. Весной 1918 г. крестьянство получило именно то, чего оно ожидало от революции — возможность заниматься своим делом свободно, без какого-либо контроля. Потому мобилизация в Красную армию, отрывавшая от земли, введение принудительной реквизиции хлеба, а особенно методы, которые использовались при этом большевиками вызвали недовольство. При любой форме правления реакция была бы такой же: не против власти, а за землю и возможность работать на ней.

Т. В. Осипова пишет: «В 20-е гг. Д. Кин проанализировал информационные материалы Политуправления РККА о крестьянских восстаниях, имевших место в I полугодии 1919 г. в 3-х губерниях аграрного центра (Воронежская, Курская, Орловская). Из 238 восстаний, выявленных им, 72 произошли на продовольственной почве, 51 — на почве мобилизации, 35 — восстания дезертиров, 34 — из-за реквизиций, 17 — из-за аграрных споров и только 6 — на политической почве среди красноармейских частей, остальные — по другим причинам»¹.

С. В. Яров предложил следующую типологию крестьянских восстаний этого периода с точки зрения «динамики» и тактики выступлений.

¹ Осипова Т. В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства (Россия XX век). — М., 1996. — С. 126.

К первой группе он отнес «митинговые» волнения, отличавшиеся своеобразной стройностью. Один из наиболее характерных типов — крестьянские «походы» в волостные и уездные центры с последующими сходами и столкновения с властями (г. Пронск Рязанской губ. в январе 1918 г., Екатеринбург и Вытегорский уезд Псковской губ. летом 1918 г.). Основные черты: кратковременность, спонтанность, эмоциональное начало, примитивная схематизация лозунга, направленность против конкретного человека или события.

Вторую группу, по мнению автора, составили «неоконченные» выступления. Подобные волнения представляли из себя многоступенчатый процесс, в котором одно действие неизбежно вытекало из аналогичного и влекло за собой новое, в котором всё зависело от того, на какой «ступени» развития конфликт мог прерваться. Особенности: мгновенность, неподготовленность, неорганизованность, а, главное, отсутствие единых интересов, способных объединить разрозненные массы. В третью группу входят «петиционные кампании», т. е. массовые хождения в уездные и губернские центры, с целью изложить свои обиды властям. В «петициях» присутствовало лишь недовольство по конкретному, достаточно определенному вопросу. На некоторое время это объединяло деревню.

Следующую группу составили «спонтанные» (или «хаотичные») волнения, где все смешалось: внутрикрестьянские трения и неприязнь к комиссарам, отсутствие политической культуры и страх перед репрессиями. В качестве примера такого выступления С. В. Яров приводит события в Новолadoжском уезде Петроградской губернии и Верх-Невьянском заводе Екатеринбургской губернии летом 1918 г. Для них характерны иррациональность, мотивация на основе эмоций, а не сознания, чувство «толпы». Причем, как полагает С. В. Яров, именно это зачастую превращало такие бунты в организованные¹. Очевидно, психологическое влияние «массы», подавляющей собственные мотивы поведения и заставляло крестьян выполнять всё синхронно, требовать одного и того же, подчиняться выделившимся лидерам.

Подобные аполитичные настроения среди крестьянства сохранялись вплоть до 1922 г., но в целом, число таких восстаний резко сократилось. Сильная эмоциональная составляющая этих выступ-

¹ Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918 – 1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. – СПб., 1999. – С. 41–58.

лений не позволяла преодолеть границы сиюминутности, потому в них преследовались весьма ограниченные цели, не способные изменить ситуацию в деревне кардинально. В этом особенность I этапа антибольшевистского движения (1918 — 1919 гг.).

Однако уже в конце 1919 г. начинаются восстания, имеющие конкретную программу. Предъявляемые требования, как отмечают исследователи, либо содержат «эсеровские нотки», либо целиком представляют собой программу партии социалистов — революционеров. В принципе, эсеровская направленность не удивительна, ибо в отличие от Российской социал-демократической *рабочей* партии, партия эсеров считала решение аграрного вопроса одной из важнейших задач.

После появления в деревнях продотрядов и комбедов, после введения в январе 1919 г. продразверстки основным пунктом программ восставших становится лозунг: «За Советы без коммунистов!», т. е. помимо чисто экономических требований, появляются требования политические и социальные. Различные программы, созданные в разное время, в разных местах, разными людьми с разными взглядами, представляют собой удивительно схожие документы.

Первая из представленных ниже программ — «Декларация съезда представителей крестьянской Армии» (Центральная Сибирь, октябрь 1919 г.)¹. Эта декларация начинается заявлением, что партизанская «армия, состоящая в большинстве своем из сынов деревни, не сложит оружия до тех пор, пока **ненавистное трудящимся иго буржуазии** не будет окончательно сломлено». Т. о. это программа *большевистского* толка.

Вторая — «Программа истинного советского социального строя» Н. Махно (*анархизм*, 1919 г.)². В настоящее время среди историков нет согласия в вопросе о принадлежности Нестора Махно к анархизму, однако сам батька в своих мемуарах определяет собственные политические взгляды именно так.

Третья — программа «Союза трудового крестьянства», созданного *эсерами* в помощь повстанцам Антонова (ноябрь 1920 г.)³.

¹ Журов Ю. В. Гражданская война в сибирской деревне. — Красноярск, 1987. — С. 112–113.

² Махно Н. Воспоминания. — М., 1992. — С. 17–18.

³ Аптекарь П. А. Крестьянская война. // Военно-исторический журнал. — 1993. — № 1. — С. 51–52.

Три абсолютно разные в политическом отношении программы требовали практически идентичных мер:

I	II	III
Созыв Учредительного собрания	Приступить к строительству вольных рабоче-крестьянских советов	Установить власть Советов
Выборы по четырехчленной формуле		Выборы по принципу равного всеобщего прямого тайного голосования
Свобода слова и печати для «каждого человека»; свобода союзов собраний; свобода личности.	Свобода слова, печати, сходов, союзов и пр. является неотъемлемым правом каждого труженика.	Свобода слова, печати, совети, союзов и собраний.
Введение всеобщего бесплатного обучения на всех ступенях.		Свободное преподавание в школе и всеобщее обучение грамоте.
Введение рабочего контроля	В лице профсоюзных объединений, рабочий класс организованно берет все предприятия в свои руки	Рабочий контроль и государственный надзор над производством.
Национализация частных предприятий, владельцы которых бежали от трудовой Армии.	Фабрики, заводы, ..., становятся достоянием всего рабочего класса в целом.	
Земля должна быть обращена в собственность всего государства, владеть ею может только тот, кто её обрабатывает, т. е. социализация земель.	Земли переходят в пользу крестьян, живущих лишь своим трудом.	Проведение в жизнь закон о социализации земли
Улучшение «быта» крестьян путем устройства хозяйства последних на лучших началах развития народной кооперации».		Удовлетворение предметами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, населения города и деревни через кооперативы.

Разумеется, эта схожесть требований не была копированием. В каждом сходном пункте имеются нюансы. В частности, программа Махно до конца выдержана в духе анархической идеологии, как то: отсутствие государственной власти, независимость от центра,

местное самоуправление. Там, где в других программах признается контроль государства, в программе батки он поручен профессиональным объединениям и вольным рабоче-крестьянским советам. Там, где другие программы предлагают действовать через кооперативы, Махно предоставляет свободу (хотя только до момента создания специальных рабоче-крестьянских организаций). Большевицкая «Декларация» предоставляет нациям «юридическое равноправие», а программа СТК — «право свободного самоопределения», что, очевидно, шире.

Другие пункты не совпадают вовсе. Но сам факт наличия общих черт в политически различных программах весьма примечателен. «Декларации», например, несмотря на ярко выраженную советскую направленность, не удалось избежать эсеровского влияния. Требования выборов по четырехчленной формуле (т. е. всеобщие, равные, прямые и тайные), свобод для «каждого человека» (вне зависимости от политической принадлежности и соц. статуса), национализация не всех предприятий, а только тех, чьи хозяева сбежали от трудовой Армии, и некоторые другие свидетельствуют о всеобщем значении требований, выдвигаемых партией социалистов-революционеров. Основными из них являются общедемократические свободы, ослабление экономического гнета, решение аграрного вопроса, — т. е. то, чего не было ни до большевиков, ни при них. И некоторые из требований все же будут использованы государством при введении НЭПа.

Т. о. классификация антибольшевистского движения по целям и задачам позволяет выделить 2 основные группы: бунты 1918 — 1919 гг., требования которых распространяются не далее решения определенного круга экономических вопросов, удовлетворяющих насущные потребности, и не представляют собой борьбу за власть или против власти. Исключением является, пожалуй, «чапанное восстание» в марте 1919 г.¹; восстания 1920 — 1922 гг., целью которых является установление определенной формы правления, решение широкого круга вопросов, не ограниченных сиюминутной необходимостью и имеющих государственное значение.

На этом этапе характер антибольшевистского повстанчества значительно изменился. Речь шла уже не о недовольстве посягательством на «мирок» крестьянина, а о недовольстве государством и его политикой в целом. Практически закончились военные

¹ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. — С. 149–150.

действия против Белого движения и интервенции, и крестьянский протест стал строго направленным на одну политическую силу: большевиков. По-прежнему, не было организационного единства между различными отрядами повстанцев, по-прежнему целью было не свержение власти как таковой, а лишь ее изменение в соответствии с нуждами и интересами крестьянства. И в тоже время повстанческое движение проявило удивительное единство причин выступлений и требований, среди которых на первое место выходят уже политические требования.

Особое внимание в этой категории хотелось бы уделить Кронштадтскому восстанию, которое имело ряд особенностей. В отличие от большинства крестьянских восстаний, вообще не имевших четкой программы, в отличие от движений анархиста Махно и эсера Антонова, резолюция Кронштадта была составлена, и была составлена людьми, не имеющими как такового отношения к политике. И в тоже время она выражала вполне определённые требования, продуманные и обоснованные. Резолюция призвала правительство соблюдать те права и свободы, которые были провозглашены в Октябре 1917 года. Были требования: перевыборов Советов тайным голосованием; права действия крестьянам по их желанию в отношении земли, свободы слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий и т. п. Поражает также степень быстроты организации, очевидно, ранее не планировавшегося восстания. Резолюция, составленная в ответ на доклад делегации в Петрограде, была принята общим собранием крепости уже на следующий день после чтения на линкоре «Петропавловск». Ещё через день, 2 марта, был создан Временный революционный комитет (ВРК) для поддержания порядка и осуществления контроля над крепостью. Причём всё это было сделано людьми, не имевшими никакого опыта подобного рода. Более того, в отличие от большевиков, у которых любимым методом борьбы с врагами было их физическое устранение, в отличие от участников «Белого движения», использовавших тот же принцип; в отличие, наконец, от всех остальных повстанцев, истреблявших всех коммунистов, попадавших им в руки, ни один арестованный в крепости большевик не пострадал.

Восстание было подавлено, но никто из современных исследователей (В. Войнов, В. Наумов, А. Косаковский, М. Френкин и

др.)¹ не сомневаются, что именно Кронштадт стал толчком для перехода к новой экономической политике. И политические страсти вокруг происшедших событий продолжали кипеть еще очень долго. Оценку восстанию давали многие политические деятели. А В. И. Ленин, к тому же, удачно использовал события в Кронштадте как повод для создания проекта резолюции «О единстве партии». Восстание стало решающим аргументом в требовании не допустить какой бы то ни было фракционности. «Диктатура пролетариата» окончательно сменилась диктатурой большевиков.

Что касается методов, то эта классификация не имеет принципиального значения, однако отражает существовавшие реалии: активные военные действия и пассивное сопротивление.

К наиболее известным восстаниям первого типа можно отнести, как уже говорилось выше, Западно-Сибирское (1920 — 1921), Тамбовское (1920 — 1921), Кронштадтское (1921) и ряд др. Каждое из них — это серьезная угроза только формирующейся Советской власти, хотя восставшие боролись не с самой властью, а с ее представителями-большевиками. Расширились охваченные движением территории, оно стало осознанным, организованным, во главе стояли авторитетные руководители, выдвигавшие помимо экономических требований, вызванных сиюминутной необходимостью, теперь и политические, отвергающие диктатуру одной партии, призывающие к установлению действительно «власти народа». Меняются методы: вместо стихийных выступлений, неорганизованных и неподготовленных, появляются военные подразделения с четкой структурой и дисциплиной, широко применяются методы партизанской борьбы. По признанию М. Н. Тухачевского, Красной армии теперь приходилось вести борьбу не с отдельными «кулацкими мятежами», а с народом². Единственной проблемой было непонимание необходимости объединить свои усилия во имя общей цели, что, в конечном итоге, и привело к поражению.

Пассивное сопротивление выражалось в виде «волынок», забастовок, дезертирства и попыток уклонения от уплаты налогов и выполнения повинностей.

¹ См.: Войнов В. Кронштадт: мятеж или восстание // Наука и жизнь. — 1991. — № 6; Кронштадтская трагедия 1921 г. // Вопросы истории. — 1994. — № № 4–7; Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918 – 1921 гг.

² См.: Игрицкий Ю. И. Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления. // Гражданская война в России: Перекресток мнений. — М., 1994. — С. 67.

Дезертирство из армии и уклонения от мобилизации в неё (причем «цвет» армии значения не имел) приводило к тому, что в лесах появилась «зелёная гвардия», состоящая из большого числа беглецов. Дезертиры стали мощнейшей основой антибольшевистского повстанчества (в июле 1919 г. в европейской части России было 266 тыс. дезертиров, за последние 6 месяцев того же года их стало 1,5 млн.)¹. Некоторые из них просто отсиживались до поры до времени, другие объединялись и начинали вести активные действия: громили сельсоветы, убивали местных коммунистов, в общем, занимались тем, что нередко называют «политическим бандитизмом». Не открытые военные действия, а партизанские операции, отличавшиеся большой жестокостью.

«Волынки» представляли собой создание препятствий для работы. Объективно это следовало называть забастовками. Но «забастовка» (как организованное массовое прекращение работы с целью добиться выполнения определённых требований), заменяется понятием «волынкой» — намеренным затягиванием какого-либо дела (что в тяжелейших условиях Советской России — предательство). Такие «волынки» в Петрограде в феврале 1921 г. единогласно признавались в советской историографии одной причин Кронштадтского восстания (К. Жаковщиков, С. Н. Семанов, А. Буйский и др.)². Но необоснованность использования самого понятия (не говоря уж о том, что рабочие имели серьёзные причины устраивать забастовки) раскрывается только в работе М. Геллера и А. Некрича³.

Но были и настоящие «волынки», имевшие целью действительно препятствовать работе продотрядов. Примером этого могут служить «женские волынки», устраиваемые в период Западно-Сибирского восстания. Крестьянки собирались у сельсоветов, задерживали подводы, ссыпали хлеб в сельские амбары и окружали их огромной толпой.

Также к пассивным формам сопротивления можно отнести и любое содействие восставшим (предоставление убежища, помощь продовольствием, сообщение о передвижении войск противника,

¹ См.: Осипова Т. В. Крестьянский фронт в гражданской войне. — С. 133.

² Жаковщиков К. Разгром Кронштадтского контрреволюционного мятежа в 1921 г. — Л., 1941.; Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 г. — М., 1973; Буйский А. Красная армия на внутреннем фронте. — М.-Л., 1941.

³ Геллер М., Некрич А. Утопия о власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. — Кн. 1. Социализм в одной стране. — М., 1995. — С. 112.

как «красных», так и «белых»), хотя у историков на этот счёт нет определённого мнения.

Таким образом, проанализировав материал, посвященный проблемам крестьянских и казачьих восстаний, а также близких им по содержанию выступлений в самой Красной армии, мы пришли к выводу, что антибольшевистское повстанчество в годы Гражданской войны сыграло гораздо большую роль в истории России советского периода, чем было принято считать. Значение «зеленого движения» как решающего фактора в вопросе отмены политики «военного коммунизма» неоспоримо. Большевикам пришлось идти на уступки в экономических вопросах, чтобы сохранить политическую власть. В ситуации, когда все социальные слои (даже армия, если рассматривать её как особую социальную группу) выразили свое недовольство, причем, недовольство достаточно активное, высшему руководству пришлось удовлетворить ряд их требований, среди которых были и экономические. Собственно, именно с экономических требований и началось антибольшевистское повстанчество.

Аксенова Ю.

История рекламы в период Гражданской войны

Гражданская война стала благоприятной почвой для развития новых форм и жанров искусства. Прежде всего, первостепенную роль в настроениях масс начинают играть оперативные политизированные жанры, возникающие и увядающие вместе с быстро меняющимися историческими событиями, на фоне которых эти нововведения в искусстве оказывают большое психологическое давление на сознание советского народа.

В первые годы Гражданской войны в России развивались следующие виды художественного мастерства: праздничные оформления городов, массовые театрализованные действия, торжественные открытия памятников по проекту «Монументальной пропаганды», политические плакаты, роспись агитпоездов и агитпароходов.

На протяжении 1918 — 1920 гг. революционные настроения были очень сильны, они и помогли родиться новым, смелым на-